

Питер Балакян

ЧТО СКАЗАЛА МОЯ БАБУШКА,
КОГДА ШЕЛ ДОЖДЬ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Армянин по происхождению и американец в третьем поколении, Питер Балакян родился и вырос в Нью-Джерси. Он автор пяти поэтических сборников и двух романов-бестселлеров. С середины 80-х его стихи включаются во многие антологии современной американской поэзии.

Творчество Питера Балакяна — и поэзия, и проза — является неотъемлемой частью американской литературы. Подчеркивать это приходится потому, что не все здесь однозначно. Дело в том, что поэт смотрит на мир «армянскими глазами», оценивает явления жизни «армянской меркой». Его творчество в большей степени является продуктом армянского сознания, армянского мировосприятия. Здесь мы безусловную роль отводим рассказам о Геноциде, которые стали стержнем духовной связи между будущим поэтом и его любимой бабушкой, их «маленьким секретом», предметом их долгих бесед. Тема Геноцида для Питера Балакяна стала вызовом, и он этот вызов принял. И поведал о своей боли, о трагедии своей семьи и своего народа всему миру.

Удивительно, что человек, родившийся и всю жизнь проживший в одном из престижных районов Нью-Йорка, стал не поэтом-урбанистом, а писал о пустыне Дер-Зор, создавал фантастические образы человеческих страданий, с натуралистическими подробностями описывал, как бабушка готовит суп из ягненка, строил поэтические образы из этнографического, причем абсолютно точного в малейших деталях, «стройматериала». Он признается: «Мое путешествие в качестве поэта привело меня

к моему армянскому прошлому, в особенности к опыту Геноцида, пережитому нашей семьей».

Поэт говорит о памяти как о созидательной силе, возводит чувство личной ответственности за все, что происходит в мире, в ранг философской категории. Он отчетливо осознает, что имеет дело с незажившей раной, со всенародным горем (вспомним Туманяна: «Армянское горе — безбрежное море»). Геноцид в его восприятии — это померкшее солнце, сумерки века, крах человеческой цивилизации. Мир сошел с рельсов, люди потеряли чувство исторической перспективы. Непрерывность развития и связь времен оказались грубо нарушенными.

Осмысление исторической трагедии родного народа стало сквозной темой его творчества. Достоверным описанием поэтической, психологической ситуации, исповедальной искренностью, всей структурой, построением фразы, талантливым художественным воспроизведением услышанных в детстве и ранней юности жизненных историй он возводит их в ранг общечеловеческой трагедии, делает читателя их соучастником и заставляет сопереживать, ощущать личную ответственность за произошедшее. То, что прежде казалось далеким и чужим, становится близким и родным. Можно сказать, что Питеру Балакяну удается разбудить, расстремить в людях «ген равнодушия», природного человеколюбия, вызвать в них неприятие жестокости и несправедливости. Его поэзия — вызов, брошенный равнодушию.

С Арменией Питера связывают прочные узы. Он несколько раз бывал в Армении, знаком с армянской литературой, перевел на английский и издал книгу Рубена Севака, также ставшего жертвой Геноцида... И все-таки, как бы ни был силен зов крови, он не в состоянии пересилить, перечеркнуть американский взгляд на мир, американский способ мышления. Это создает определенные сложности с определением статуса поэта, принадлежности к той или иной национальной традиции и культуре. Это создает сложности и в процессе перевода. В ходе работы, стремясь бережно воспроизвести всю образную систему поэта, я был вынужден «адаптировать» его к традиции нашего поэтического восприятия.

СКАЗАНЬЕ ОБ ИСЧЕЗНУВШИХ СТРАНАХ

Гора была близко.
Далеко. Но затем уже ближе.
Ее пересекали речки света.

Озера — это белые круги,
Затем — каньоны,
За ними — пустые глазницы.

Небо — поле горящих камней.
Это не день и не ночь.
Это — жасмин, и огни полыхают

у меня в голове. Чем ближе гора,
тем она дальше.
Реки сливаются в омут зеленого воска,

Виноградники и сады
На горящих предгорьях,
Словно алые крылья заката.

Деревья светятся, как бурки пастухов,
В мерцанье медном; на ветках расселись вороны,
И гора вонзилась в небеса,

Небо пока было облаком,
Мерцающим в черном воздухе.

ПОЛЕ МАКОВ

Моей матери

Спираль кипариса простирается к небу.
Художники пришли сюда,
Потому что грязь здесь суха, как их кости,
Потому что даже монастырь на холме
Каждый день шелушится.
Ты хочешь заказать свой портрет
На фоне этого поля маков;
Ветер, теребящий высокую траву
У твоих ног,
Полянки желтых цветов поперек дороги,
Которая бежит от тебя.
Там, где ангел-хранитель города
Исчез вместе с раной своей, —
Там высокие горы.
Когда он вернулся,
Из расщелин скалы
Произросли персиковые деревья,
И серые тучи покинули горы.

Спираль кипариса простирается к небу.
Твой отец нашел это поле
И эти скалистые горы,
И монастырь — лучезарную вспышку солнца.
Ты хочешь получить эту картину,
Чтоб показать исчезновение тела
В красных волнах цветов,
Поле колющихся иголок,
Кольшущихся от дыханья ветра.
Каждый шаг окрашивает в красный
твои суставы.

Ты хочешь, чтобы красный поглотил
Все эти горы,
Ты хочешь покрасить в цвет сердца

Линию неба и поля.
Вот так и исчез твой отец;
Ноги, колени, живот, лицо
Растворились среди красок поля,
В легком ветре, который пел
Среди красных цветов.

ЧТО СКАЗАЛА МОЯ БАБУШКА, КОГДА ШЕЛ ДОЖДЬ

Мы знали, что они уже идут:
Всю ночь вдали завывали мачете,
Их вой пронзительный стоял у нас в ушах.
Турки готовились основательно:
Они пили всю ночь напролет,
А на рассвете пустили коней вскачь.

И вот отец достал все наши деньги и все наши
драгоценности,
Золотые монеты, рубины, сапфир, бирюзовые камни,
Золотые цепочки, которые мы надевали
По разу в год, серебряные кольца,
Медальоны из Греции, всякую прочую утварь,
Топаз, оникс, нефрит.
Там были цветные каменья,
Названья их вам неизвестны,
Они все еще у меня пред глазами стоят...

Он все это спрятал в чердаке,
В чулане темном,
Что под кровлей дома.
А мне всегда казалось почему-то,
Что там живет сам Дьявол-Сатана.
Отец все это спрятал в чердаке,

И грустным голосом сказал —
Когда-нибудь,
В один прекрасный день мы вновь сюда вернемся,
И мы снова богатыми станем.

Временами, когда начинается дождь,
 Когда за облаками солнце меркнет,
 И летний воздух остывает, мерзнет,
 И в окнах сгущается мрак,
 Я слышу, как Господь в горсти своей огромной
 Перебирает звонкие монеты —

Я слышу, как они с высоких гор
 Падают на дно тускнеющего дня
 Над облаками —
 И мерцающие слитки золотые,
 И эти изумрудные камни —
 Глаза замученного мужа моего.

ИСТОРИЯ АРМЕНИИ

Минувшей ночью
 Моя бабушка вернулась
 В своем коричневом платье,
 Она стояла на Оратон Парквей,
 Где мы нередко гуляли
 И смотрели на шоссе,
 Где сплошь были ямы и рытвины.
 Она стояла напротив
 Громящих отбойных молотков
 И бульдозеров,
 С корзиною фруктов в руках,
 И ветер сновал
 Взад-вперед сквозь ее глаза.

И я припускал во всю прыть
 Ей навстречу,
 От дождя прикрываясь
 Купленной утром газетой.
 Когда я сказал ей,
 Что голоден очень, она
 Мне сказала, что в лавочке бакалейной
 Есть торговец — он по самые локти в крови,
 И что в местечке Ист-Ориндж,
 Исчезают мальчишки — их наверно съедают
 Машины на этих дорогах.

Когда я спросил у нее,
 Где моя мама — она мне сказала в ответ —
 Все прошло, безвозвратно прошло.
 Девчата пошли за содой,
 Возможно, крем был плохой,
 И печенье получилось кислым.
 В это утро постели пустые,
 Вода убежала,
 Туалеты остались сухими.
 И когда я пошел в огород,

Чтобы чем-нибудь поживиться,
 То нашел там одни лишь пни.
 И когда я пошел,
 Чтоб повыдергать в грядках петрушки —
 Только ямки одни там нашел.

Мы прошли через груды
 Серой золы и цемента,
 Вокруг ни души, лишь заброшенные грузовики.
 Она сказала — дедушку увели
 Спозаранку, во мраке;
 Он как раз собирался гладить
 Брюки для пожарника
 Из Ист-Оринджа.
 Они позвонили ему
 Среди полуночи,

Вест-Ориндж пылал в огне,
 Монтклер горел,
 С Блумфельдом и Ньюарком
 Было уже покончено.

Одна женщина минувшей ночью
 Несла в Ист-Ориндж руки своего ребенка
 И упала, споткнувшись о тело убитого дяди,
 Два мальчика шли по дороге
 И в карманах у них
 Была кожа, что с ног их содрали.
 Они брели устало и повсюду
 Искали местное начальство;
 Солнце в это утро
 Было красным и очень рассеянным.

Если я пойду сегодня спать,
 Она сказала, то всенепременно
 Небеса разверзнутся, и с облаков
 Посыплются тела. *Яврум*,
 Там, в небесах, есть ангел,
 Там, в небесах, есть ангел,

Там ангел есть, он без меча. *Яврум*.
 Там, в небесах, есть ангел, у него
 Нет шести пальцев и одной ноги.
 Там, в небесах, есть ангел,
 Он говорит, что реки вспять текут,
 Он говорит, что вода станет чистой,
 Что в ней будет плавать рыба.

Дедушка гладит брюки,
 Они пришли за ним
 Еще до рассвета — птицы еще не проснулись —
 Он ушел босиком,
 Не надев ни подтяжек, ни брюк.
 Было тихо —
 И птицы, птицы
 Все еще спали.

МОЕЙ БАБУШКЕ, К ЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЮ

Ради пыльных ковров
И ради красителя-синьки,
Ради бледно-красных животов овец,
Ты возвращаешься.

Ради медного черпака
И прокопченного пористого котла
На огне для обедов горячих,
Я тебя призываю, как птицу.

Ради фиолетовых фруктов,
Ради моркови, похожей на пальцы,
Ради влажного русла реки
С ее плотью,
Ты возвращаешься.

Ради поля, где козы пасутся,
Мокрые, серые,
Ради копыт и костей заостренных,
Плавающих в наваристом супе,
Я руками машу, руками, полными ветра.

Ради опрокинутой банки
С красным перцем,
Ради горки пшеничной муки,
Ради разбитых кувшинов
Топленого масла и семечек
Я не кутаю свое горло.

Ради губ взрослеющих мальчиков,
Ради девушек кареглазых
И ради бляенья ягнят на холме,
Ради платья твоей дочурки,
Развевавшегося над озером,
Ради пряжи ее рукотворной,
Раскрученной в день гибели отца.

Ради ягненка, заколотого
От влажного чрева
до красных зубов,
ради вращения ягненка,
подобно солнцу
вокруг оси,
ради глаз, что смежились
и упали в огонь,
ради языка, мясистого и нежного,
ради легких, шипящих, как листья,
на жарких углях,
и соски, из которых цедится
желтое молоко,
и напряженный, вспученный живот,
похожий на вобравший дни кулак, —
так красные воды вливаются
в бурный поток,

Я руками машу, руками, полными птиц,
Полными жарких порывов
И горячей одежды,
И ты возвращаешься,
Ты возвращаешься.

ДЕТСКИЙ МУЗЕЙ В ЯД-ВАШЕМ

Я иду через камни.
 День вымощен синими плитками.
 Солнце заперто в клетку.

Моя мама ведет меня за руку
 В жилище названий.
 Я иду через камни.

Зеркало черное.
 У свечек — потешные лица.
 Солнце заперто в клетку.

Моя мама становится прахом.
 Моя рука исчезает.
 Я иду через камни.

Гриф у альта — нацистская свастика;
 Небо — пещера лиц,
 Летящих к солнцу, запертому в клетку.

Я вслед за мамой проникаю в зеркало.
 Солнце возгорается на свечке.
 Я иду через камни,
 И солнце заперто в клетку.

Я ХОТЕЛ БЫ ВЕРНУТЬСЯ К ПРАХУ

Я хотел бы вернуться к праху,
 Как ноябрьский свет проникает
 В пораженные гнилью деревья
 И в закрученную лозу винограда.

Как разгадать нам то, что мы не в силах
 Сказать средь ночи, в час, когда вдвоем
 Лежим с несбыточной и суетной надеждой
 Что благодать достанется и нам.

Воображенье в горы нас ведет.
 Я хотел бы вернуться к праху,
 Чтоб отыскать следы голубоглазой
 Травы, исчезнувшей еще до нас.

Как нам узнать, какого цвета кровь,
 Которая была когда-то прахом
 И что мы неизбежны — так же,
 Как цикорий и как морковь.

Я хотел бы вернуться к праху,
 Для любви, что умоляет нас,
 Чтобы мы не были свободными от мира,
 И чтоб свободным не был мир от нас.

Перевод с английского Гургена БАРЕНЦА